

НАШ БЕСТ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР

МИХАИЛ
АНТОНОВ
ДОГОВОРИТЬСЯ
С НАРОДОМ

Национальный бестселлер

Михаил Антонов

**Договориться с народом.
Избранное (сборник)**

«Алисторус»

2012

Антонов М. Ф.

Договориться с народом. Избранное (сборник) / М. Ф. Антонов — «Алисторус», 2012 — (Национальный бестселлер)

Литературное творчество Михаила Федоровича Антонова, видного экономиста, публициста, философа, многогранно. Одним из первых много лет назад он забил тревогу о том духовно-нравственном тупике, в который будет ввергнута Россия. Но даже сейчас, когда, кажется, нашу страну ждет незавидная участь, крах по всем направлениям, о чем говорят и пишут открыто все кому ни лень, Михаил Федорович не впадает в пессимизм, предвидит спасительное будущее России и ее народа. Для этого, считает он, всего-то и надо использовать новые подходы в экономике, включающие духовную составляющую, что позволит нашему государству стать мировым лидером в XXI веке. В новую книгу М.Ф. Антонова вошли его работы по философии и истории, статьи о Пушкине и Гоголе, актуальная публицистика о временах правления В.Путина.

© Антонов М. Ф., 2012

© Алисторус, 2012

Содержание

Литературоведение	5
Николай Гоголь – гениальный украинский русскоязычный писатель	5
Гость с Украины наставляет хозяев	7
«Личность Гоголя	11
Антирусская направленность «Вечеров» и «Петербургских повестей»	14
За какую Русь и за какую веру боролись и умирали казаки	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Антонов М.Ф. Договориться с народом. Избранное

Литературоведение

Николай Гоголь – гениальный украинский русскоязычный писатель

Юбилеи великих людей, тем более – гениальных писателей (особенно «круглые»), проходят, как правило, в атмосфере некоторой экзальтации. Произносятся волнующие речи, в которых восхваляются достижения гения, ораторы соревнуются в том, кто скажет слово поцветистее, покруглее и позабористее. Если же у гения были и неудачные творения, провалы, то о них в такие дни говорить не принято, а если и упомянут, то так, мимоходом. Сказать в эти дни прямо нечто противоположное тому, что общепринято, что уже устоялось в общественном мнении, так же неприлично, как откровенно, вызываяще «испортить воздух» в благородном собрании. Или, как говаривал один непопулярный ныне классик, это все равно, что крикнуть «Таскать вам не перетаскать!» при виде похоронной процессии.

Знал я, разумеется, все это, как и правило: упаси боже маленькому человеку говорить, а тем более писать что-либо критическое о великих людях в их юбилейную страду. Никто слушать не будет и уж, конечно, не напечатает. Зато заключают, даже, процитировав вырванные фразы из только что поданной в редакцию, но неопубликованной, с негодованием отвергнутой рукописи, выставят в глазах общества, как невежу и невежду и обвинят в покушении на устои и святыню, если не в чем-либо еще более злодейском. И все-таки в 2009 году, когда мир широко отмечал 200-летие со дня рождения Николая Васильевича Гоголя, сунулся я было в одно почтенное издательство с проспектом книги о юбиляре, а в одну не менее почтенную литературную газету со статьей «Любящий недоброжелатель России» (о нем же). Слава богу, легко тогда отделался, получил только отказ, но ребра остались целы. Я даже гневной отповеди со стороны «современных напостовцев» не удостоился. Видно, очень уж они были заняты торжественными мероприятиями, и им было не до такой мелкой сошки, как я. Как и положено, во время торжеств было сказано и напечатано немало слов о гении мировой литературы, великом русском писателе.

Чего только не наговорили о произведениях Гоголя за время, прошедшее со дня его смерти, и каких только нелепостей не повторили в дни юбилея! Толкуют об эпопее, широкой картине русской жизни, о размышлениях над судьбами России, о тончайшем знании писателем глубин души русского человека и пр., и пр., и пр.! Но ведь это совершеннейшая несусразица! Это хорошо понимал Владимир Набоков:

«Когда я читаю «Мертвые души», то мне никакого дела нет до того, брали ли чиновники взятки и были ли действительно такие жмоты, прохвосты и дураки среди русских помещиков. Ибо жизнь служила Гоголю, а не Гоголь жизни, или, еще яснее, Гоголь творил гоголевскую жизнь. И я подхожу к его «Мертвым душам», как подхожу к прекрасной картине – не рассуждая о том, как звалась флорентийская цветочница, послужившая для художника моделью мадонны». То есть «Мертвые души» – это игра фантазии Гоголя, для которой рассказанный ему анекдот лишь послужил толчком, «спусковым крючком».

Ведь и **сам Гоголь** всю творческую жизнь сетовал на то, что российская публика **совершенно превратно понимала** и пьесу «Ревизор», и поэму «Мертвые души», и «Выбранные

места», и другие его произведения. Никогда Гоголь не был сатириком и юмористом, обличителем крепостного права и иных пороков России времен Николая I. Как не был и исследователем души русского человека, автором грандиозной панорамы России, пророком ее грядущего величия. У него просто не было субъективных данных для этого. Увы, дурная традиция живет и процветает, именно она отравила всю атмосферу прошедших торжеств.

России Гоголь не знал (почему – об этом чуть позже) и много раз публично в том признавался. И русского человека не понимал (и об этом – ниже). Никакой картины России не рисовал, он, наверное, рассмеялся бы, услышав такое толкование поэмы.

Я не собирался писать статью или книгу о жизни и творчестве Гоголя вообще, зная, что литература об этом гении необозрима. Да ведь я полностью согласен со всеми оценками величия этого гения художественного слова (и прошу иметь это в виду при чтении всего ниже помещенного текста), за одним единственным исключением: **Гоголь никогда не был русским писателем. Он – русскоязычный писатель из Малороссии.** Сердце его всегда принадлежало Украине, которую он любил беззаветно, причем Украине тогда уже иллюзорной, преимущественно времен расцвета казачества, буйной, хмельной и полной опасностей жизни Запорожской Сечи. А России и русских людей он не понимал и был способен представлять их лишь в карикатурном, просто смешном или жалком виде.

Любовь – высочайшее и благороднейшее из человеческих чувств, если она не укрепляется за счет принижения кого-то постороннего. К сожалению, **Гоголь часто (практически даже всегда) воспевал Украину (будь она в прошлом, XV—XVI веков, или в настоящем) за счет принижения русской (евразийской) культуры и русского (евразийского) человека. Вот почему многие мысли Гоголя вредили становлению русского национального самосознания и способны в еще большей степени усилить неадекватное восприятие России впредь** (повторяю: говорю это при всем уважении к художественному гению Гоголя и восхищении многими страницами его творений).

При всей своей любви к Украине Гоголь понимал провинциализм тогдашней украинской жизни и культуры, а потому для карьеры в любом смысле этого слова надо ехать в Петербург. Именно так он и поступил, и в дальнейшем его творчество разворачивалось преимущественно в русской среде. (Примерно как Фазиль Искандер в XX веке.)

Да, писал Гоголь больше всего о России, точнее говоря, на русскую тему, а это «две очень большие разницы». О России Гоголь писать не мог, потому что он ее не знал и не понимал именно потому, что смотрел на нее прежде всего глазами восторженного почитателя казацкого «рыцарства».

И он невольно сравнивал ту героическую (в его понимании) и разгульную Украину с будничной, прозаической Россией, управляемой разными глупыми и самовлюбленными (с его точки зрения) «значительными» лицами («шайкой воров», как он напишет позднее), а главное – руководствовавшимися указаниями из Петербурга и тем самым подсознательно превращавшимися для него в представителей колониальной администрации. А указания этих вельмож выполняли безмозглые и вороватые чиновники. Неудивительно, что его симпатии неизменно оказывались на стороне родной Малороссии. Таким он явился на арене российской литературы, таким и ушел из жизни, окруженный русскими, не понимающими их и не понимаемый ими, хотя и почитаемый (часто сверх меры) многими из них. Гоголь не понимал Россию и русского человека, русская интеллигенция в массе своей не смогла понять глубинную суть творчества Гоголя.

Говорят, человек – единственное существо, которое может видеть то, чего нет, и не видеть того, что есть. Справедливость этой истины нашла очередное подтверждение как раз в отношении русской интеллигенции к творчеству Гоголя – как при его жизни, так и в дни недавних юбилейных торжеств. И сам характер этих торжеств многое говорит о нынешнем состоянии нашей страны и ее интеллектуальной и духовной жизни.

Жизнь и творчество Гоголя – это ни на минуту не прекращавшаяся трагедия. То, что было ему особенно дорого, проповедь, в которой он видел свою миссию и свое призвание, ему не удавалось и внимание широких кругов читателей не привлекало. А те его гениальные творения, которыми восхищалась читающая Россия, а впоследствии и весь мир, он почитал за мелочи, недостойные его таланта, и намеревался отречься от них. Увы, многие литературные критики возводят на пьедестал слабые стороны наследия гения и обходят стороной его подлинные заслуги. Это, в общем-то, не удивительно, ибо такова судьба художника, если он творит в чуждом и отторгающем его мире.

Гоголь, как известно, собирался перевернуть мир, устроенный не так, как (по его мнению) нужно. И первым объектом такого переустройства (гоголевской «перестройки») он избрал Россию. Или, как лучше сказал Николай Скатов, «и в «Мертвых душах», и в «Ревизоре» он (Гоголь) прежде всего хотел обрести точку опоры, чтобы перевернуть целый мир, во всяком случае русский мир, в который он так верил и на который до конца надеялся» («ЛГ», № 14, 2009).

Строго говоря, все творчество Гоголя было попыткой «украинизации» (или, лучше сказать, «оказачивания») России. Он призывал ее свернуть с давно выбранного ею державного, евразийского пути на «истинный» казацко-анархический. Отсюда и многочисленные протесты русских читателей против изображения Гоголем России как клеветнического.

Я, в общем-то, ничего особенно нового не скажу, ибо неадекватность понимания Гоголем России и ее изображения в его творчестве давно уже была показана многими выдающимися деятелями русской культуры, что не мешало им восторгаться его творениями, в особенности их формой. Назову только Василия Розанова, Константина Леонтьева, Андрея Белого, Владимира Набокова. Даже Лев Толстой выставял оценки некоторым творениям Гоголя, причем по большей части в диапазоне от единицы до тройки. (О современных авторах, более или менее критически относящихся к творчеству Гоголя, будет кратко сказано ниже.) Но и они, критикуя Гоголя как художника, как гения формы и вымысла при пустоте содержания, не понимали мировоззренческой основы этих вопиюще антирусских тенденций в его творчестве. Однако даже эти трезвые голоса, пусть и не раскрывающие глубинных причин его упорного принижения русского человека, во-первых, и тогда не были услышаны, а в наши дни, по сути, забыты. Во-вторых, инерция «общественного мнения», формируемого русской творческой интеллигенцией (которую, как известно, почти всегда отличали оппозиционность к власти – порой открытая, чаще потаенная, и нежелание сотрудничать с государством, сочетающееся с желанием получать от государства разные блага и иные знаки внимания), мешала выработке у массы читателей трезвого взгляда на вещи. Ну, и, в-третьих, критическое состояние современной России требует особой бдительности в отношении идей, которые и по сей день мешают становлению адекватного русского самосознания и которых немало в творениях великого русскоязычного украинского писателя.

Вот и возникает вопрос: «Так ли мы читаем, понимаем и почитаем Гоголя, и не пора ли нам перестать издеваться и над писателем, и над Россией?».

Попытаюсь подтвердить свой взгляд на Гоголя кратким анализом важнейших его произведений, тем более что как раз в связи с юбилеем появилось несколько работ, подающих робкую надежду на то, что время реалистической оценки творчества этого гения близится (о них немного будет сказано ниже).

Гость с Украины наставляет хозяев

Гоголь совсем молодым человеком триумфально вошел в русскую литературу как писатель совершенно оригинальный, ибо у него не было предшественников, как не явилось и последователей. Его «Вечера на хуторе близ Диканьки» развеселили и восхитили самых разных

читателей – от наборщиков типографии до Александра Пушкина, который обрадовался «этому живому описанию племени поющего и пляшущего, этим свежим картинам малороссийской природы, этой веселости, простодушной и вместе лукавой». Ни Пушкин, ни позднейшие критики **не увидели в «Вечерах» программного произведения Гоголя**. Пушкин, правда, довольно скоро освободился от чар нагловатого гостя, но русская пишущая и читающая публика не вняла предупреждению поэта: «Берегитесь этого малоросса!»

Раз «Вечера» не исследованы именно как программное творение Гоголя, то надо хотя бы кратко остановиться на отдельных составляющих ее вещах (повестях, рассказах, былях, главах – назовите, как вам удобнее, сам Гоголь употреблял все их определения), тем более, что вряд ли многие читатели перечитывали это творение после окончания школы.

Уже первая строка «Сорочинской ярмарки» показывала читателям Украину как райский уголок: «Как упоителен, как роскошен летний день в Малороссии!». И украинская майская ночь не менее прекрасна: «Божественная ночь! Очаровательная ночь!»

А зима? «...месяц плавно поднялся по небу. Все осветилось... Снег загорелся широким серебряным полем и весь обсыпался хрустальными звездами... Толпы парубков и девушек показались с мешками. Песни зазвенели, и под редкою хатою не толпились колядующие. Чудно блещет месяц!.. как хорошо потолкаться, в такую ночь, между кучею хохочущих и поющих девушек и между парубками, готовыми на все шутки и выдумки, какие может внушить весело смеющаяся ночь... И ночь, как нарочно, так роскошно теплилась! И еще белее казался свет месяца от блеска снега». Наконец, памятный со школьной скамьи (не знаю, как сейчас, а в 30-годы этот отрывок учили наизусть) гимн великой украинской реке: «Чуден Днепр при тихой погоде...», как и при любой другой. «Редкая птица долетит до середины Днепра...», хотя на деле жарким летом Днепр мелеет и сильно сужается.

Прекрасна и украинская осень:

«Стаи уток еще толпились на болотах наших: но крапивянок уже и в помине не было. Скирды хлеба то сям, то там, словно казацкие шапки, пестрели по полю. Попадались по дороге и возы, наваленные хворостом и дровами. Земля сделалась крепче и местами стала прохватываться морозом. Уже и снег стал сеяться с неба, и ветви дерев убрались инеем, будто заячьим мехом. Вот уже в ясный морозный день красногрудый снегирь, словно щеголеватый польский шляхтич, прогуливался по снеговым кучам, вытаскивая зерно, и дети огромными киями гоняли по льду деревянные кубари, между тем как отцы их спокойно вылеживались на печке, выходя по временам, с зажженною люлькою в зубах, ругнуть добрым порядком православный морозец, или проветриться и промолотить в сенях залежалый хлеб».

И вообще, в любое время года как же прекрасна была украинская земля!

И какие удалые хлопцы и гарные дивчины, простоватые мужья и лукавые жинки населяют этот земной рай!

Хороши современные парубки и дивчины, но еще краше были запорожские казаки:

«Красные как жар шаровары, синий жупан, яркой цветной пояс, при боку сабля и люлька с медною цепочкою по самые пяты... Эх, народец! Станет, вытянется, поведет рукою молодецкие усы, брякнет подковами и – пустится! Да ведь как пустится; ноги отплясывают словно веретено в бабьих руках; что вихорь, дернет рукою по всем струнам бандуры, и тут же, подпершись в боки, несется вприсядку; зальется песней – душа гуляет!» Да, «в старину любили хорошенько поесть, еще лучше любили попить, а еще лучше любили повеселиться».

А вот и воздаяние казакам за их храбрость. Герой повести «Страшная месть» казак Данило Бурульбаш рассказывает своей жене:

«Эх, если б ты знала, Катерина, как резались мы тогда с турками!.. Сколько мы тогда набрали золота! Дорогие камни шапками черпали казаки... Каких коней мы тогда угнали!»

Даже «отставной запорожец» Пацюк «жил, как настоящий запорожец: ничего не работал, спал три четверти дня, ел за шестерых косарей и выпивал за одним разом почти по целому ведру...».

И вот эти неустрашимые казаки, – рассказывается в повести «Ночь перед Рождеством», – прибыв в Петербург, в Зимнем дворце падают ниц перед Екатериной II и говорят верноподданнические (если не сказать: холуйские) речи, тогда как они должны были бы ненавидеть ее, уничтожившую Запорожскую Сечь и закрепостившую украинских крестьян. А кузнец Вакула, случайно оказавшийся вместе с депутацией казаков, восхитился туфельками императрицы:

«Ваше царское величество, не прикажите казнить, прикажите миловать. Из чего, не во гнев будет сказано вашей царской милости, сделаны черевички, что на ногах ваших? Я думаю, ни один швец, ни в одном государстве на свете не сумеет так сделать. Боже Ты мой, что, если бы моя жинка надела такие черевички!»

Императрица, которой понравилось это простодушие, приказала:

«Принесите ему сей же час башмаки самые дорогие, с золотом!»

Кузнец уже хотел было «расспросить хорошенько царицу о всем: правда ли, что цари едят только мед и сало...», но надо было скорее, снова оседлав попавшегося ему черта, везти чудесные черевички любимой девушке.

Историк и публицист Михаил Саяпин заметил, что в этой повести действуют (помимо прочих): «Солоха, ведьма, постоянно принимающая у себя в гостях черта; Пацюк, силой колдовства отправляющий себе галушки прямо в рот. Зрелый Гоголь, как известно, всем уши прожужжал своим христианством. Так вот, со строгой христианской точки зрения все это называется бесовщиной. И что-то не видно, чтобы Гоголь эпохи «Выбранных мест» каялся в написанном в молодости, как Пушкин – в «Гавриилиаде». Почему? Да потому что это «ридна Украйна», где все мило!»

Но далее в повести следует описание такой страстной любви Вакулы и понявшей красоту его характера, силу и верность Оксаны, что, кажется, это искупило в глазах русских читателей все увлечения Гоголя «черной», едва ли не сатанинской мистикой.

Замечу, что образ Вакулы – это до некоторой степени творческий портрет самого Гоголя. «Кузнец был богобоязливый человек и писал часто образа святых, и теперь еще можно найти в Т... церкви его евангелиста Луки. Но торжеством его искусства была одна его картина, намаляванная на церковной стене в правом притворе, в которой изобразил он святого Петра в день Страшного суда, с ключами в руках, изгонявшего из ада злого духа; испуганный черт метался во все стороны, предчувствуя свою гибель, а заключенные прежде грешники били и гоняли его кнутами, поленами и всем, чем ни попало». Счастливо женившись, Вакула разукрасил новую хату: окна все были обведены кругом красною краскою; на дверях же везде были казаки на лошадях с трубками в зубах». Это, видимо, все же не было шедевром живописи. Зато «на стене сбоку, как войдешь в церковь, намалевал Вакула черта в аду, такого гадкого, что все плевали, когда проходили мимо; а бабы, как только расплакивалось у них на руках дитя, подносили его к картине и говорили: он бачь, яка така намалевана! И дитя, удерживая слезенки, косилось на картину и жалось к груди матери своей». Вот и Гоголь восхитительно описывал всякую нечисть, неплохо рисовал и бытовые сценки, а светлые образы ему никак не удавались.

Конечно, Грицько Голопупенко и Солопий Черевик, как и другие персонажи «Вечеров», не блещут умом и нравственными добродетелями. Не поражают умом и доблестями и милые, но ничем не примечательные старосветские помещики из «Миргорода». Но ведь это «ридна Украина!». Куда там до них скучным москалям, охочим до пошлых сплетен, особенно бездушным петербуржцам! Конечно, и на Украине есть склочники и сутяги вроде Перерепенко и Довгочхуна, но это «омоскаленные хохлы», втянутые в западную москальской бюрократии. Почему-то никто из исследователей гоголевского творчества не заметил, что **именно эта противоположность Малороссии и Великороссии станет его лейтмотивом. И** хотя в самих «Вече-

рах», где выработанная антитеза Петербургу присутствует, но не выступает слишком явно, в сознании Гоголя она с самого начала и до самого конца была доминантой.

Но и самое первое произведение Гоголя – «Вечера», доставившее ему славу, очаровало вовсе не всю русскую читающую публику. Некоторые критики называли первые творения Гоголя «сальными», «грязными» не только из-за их простонародного колорита. А благочестивая часть читательского сообщества была шокирована обилием в «Вечерах» чертей, ведьм, колдунов, русалок, выходцев с того света и прочей бесовщины. Дмитрий Мережковский даже написал работу «Гоголь и черт», в которой доказывал, что, в сущности, тема черта была у Гоголя единственной на протяжении всего его творчества как явление «бессмертной пошлости людской». И действительно, начиная с «Вечеров на хуторе близ Диканьки» перед писателем постоянно стоит проблема проникновения зла в наш мир, причем это зло персонифицированное. Сам Гоголь формулировал свою проблематику так: «Уж с давних пор я только и хлопочу о том, чтобы после моего сочинения насмеялся вволю человек над чертом». «Как черта выставить дураком» – это, по собственному признанию Гоголя, было главной мыслью всей его жизни и творчества. Смех Гоголя – борьба человека с чертом.

И смех такой, что вызывал страх. Рассказчику небывальщины из «Вечеров» не жаль поделиться своими историями с любопытными девушками, «да загляните-ка, что делается с ними в постели. Ведь я знаю, что каждая дрожит под одеялом, как будто бьет ее лихорадка, и рада бы с головою влезть в тулуп свой». Да и парубок боится, послушав рассказ «про какое-нибудь чудное дело, от которых дрожь проходила по телу и волосы шевелились на голове... Случится, ночью выйдешь за чем-нибудь из хаты, так и думаешь, что на постели твоей укалался спать выходец с того света». Так что же, целью «Вечеров» было нагнать на читателей мистического страха? Чем же тогда восхитилась самая «продвинутая» часть русской читающей публики? А восхищалась не тем, ЧТО написано, а тем, КАК написано. Написано же ТАК, что начнешь читать – и не оторвешься.

Теперь несколько мелких замечаний по поводу бесовщины в отдельных повестях «Вечеров» и их продолжения – «Миргорода». Уже в первой же вещи «Вечеров» – в «Сорочинской ярмарке» – едва ли не главным героем оказывается некая «красная свитка», за которой гонится черт с свиною личиною, и эти свиные рыла наводят ужас на персонажей. И уже тут Гоголь рисует одно из главных достоинств казака:

«...что там за парубок!.. А как сивуху *важно* дует... Черт меня возьми... если я видел на веку своем, чтобы парубок духом вытянул полкварти, не поморщившись».

А следующая быль «Вечеров» – «Вечер накануне Ивана Купала» – вообще картина полного торжества бесовщины: Басаврюк – это воплощение дьявола – губит и несчастного Петра, и красавицу Пидорку, и ее малолетнего брата Ивася. Напрасно ходил священник по селу с святою водою и гонял черта кропилом по всем улицам, ничего он не добился.

Уже название повести «Майская ночь, или утопленница» говорит само за себя, но этого мало, в эпиграфе черт упоминается, и много действует там ведьм и разной прочей нечисти. Ну, естественно, и счастье героя повести казака Левко и его любимой девушки Гали (Ганны) устраивает... утопленница. Эта устроительница судеб «была бледна, как полотно, как блеск месяца; но как чудна, как прекрасна!» Так открывается ряд прекрасных покойниц, с великой любовью описанных Гоголем.

На это обратил внимание, пожалуй, самый ярый критик Гоголя Василий Розанов. (Его я часто цитирую потому, что он четко изложил то, что другие авторы либо избегали затрагивать, либо старались высказать деликатнее.)

«Поразительна яркость кисти везде, где он говорит о покойниках... Везде покойник у него живет удвоенною жизнью, покойник – нигде не «мертв», тогда как живые люди удивительно мертвы. Это – куклы, схемы, аллегории пороков. Напротив, покойники... прекрасны, и индивидуально интересны...

Поразительно, что ведь ни одного мужского покойника он не описал, точно мужчины не умирают. Но они, конечно, умирают, а только Гоголь нисколько ими не интересовался. Он вывел целый пансион покойниц, – и не старух (ни одной), а все молоденьких и хорошеньких».

В «Пропавшей грамоте» дед рассказчика, посланный гетманом с посланием к царице, попадает в такой переплет, что ему приходится играть с ведьмами в дурни (в подкидного дурачка), и не выбраться бы ему из этого шабаша, если бы не догадался он тайно перекрестить свои карты.

Сначала эти странности произведений Гоголя объяснили влиянием украинского фольклора. В действительности тут проявился «черный» мистицизм Гоголя, характерный для польско-украинской традиции. Этот мистицизм был воспринят им с молоком матери, но оказался чуждым и складу русского ума, и традициям русской классической литературы. Гоголь же еще более усилил его в «Вие», хотя Ю. Н. Арабов в своем учебном пособии «Кинематограф и теория восприятия» (М.: ВГИК, 2003) нашел в этой повести и богословские, и эротические моменты, якобы не замеченные другими исследователями. А в «Страшной мести» Гоголь даже попытался подняться до изображения чуть ли не картины вселенской борьбы добра и зла. Ведь, по свидетельствам многих его современников, Гоголь считал себя не просто писателем. Он понимал свои творения как нечто лежащее вне его, где должны быть раскрыты тайны, ему заповеданные, ибо писатель – это пророк, видящий то, чего не видят другие.

Андрей Белый, восхищавшийся Гоголем, объясняет эти (и некоторые другие) черты его творчества особенностями его личности и происхождением. Вот несколько цитат из его книги «Мастерство Гоголя» (1934):

«Личность Гоголя»

Гоголи – мелкопоместные дворяне недавнего происхождения. Дед Гоголя, Афанасий Демьянович, – семинарист, отказавшийся от духовной карьеры ради службы в войсковой канцелярии; он стал войсковым писарем; отец Гоголя «пробовал служить... при Малороссийском почтамте по делам сверх комплекта»; болезненный мечтатель, он писал стихи и устраивал, подобно Манилову, разные «долины спокойствия», был «большим мастером на малые дела»; «мать... Марья Ивановна, была дочь почтового чиновника Косяровского»... Родственник Гоголя, Трошинский, вышел в «министры» из казачков; какой-то протопоп, родственник Гоголей, тягася с Гоголями за доли наследства; была и польская кровь: Гоголь-Яновский.

Гоголь одел незнатность Гоголей в фикцию выдвигаемой родовитости; он с детства был уязвлен тем, что был «ниже» многих из сверстников; «ребенок был... странный... У него течет из ушей, тело... покрыто нарывами... Его отпаивают декоктами»; в Нежинской гимназии его встречает развал; сверстники, Редькин, Базили, Кукольник (будущие – ученый, дипломат, драматург), блещут в кружке для самообразования; Гоголь сперва держался вдали от кружка, как мало успевающий, мало подготовленный и как отталкивающий от себя «золотушными явлениями». «Таинственный карла» – прозвали его школьные товарищи в Нежине. «В старших классах он отдается театру и литературе».

Но страстный защитник гения Сергей Гупало, автор статьи «Высокая болезнь Николая Гоголя», объясняет отрыв будущего писателя от своих сверстников тем, что тот рано вступил на путь христианского самоусовершенствования и потому, как это нередко бывает, казался им несколько чуждавшимся.

Никому не дано определять степень, правильность и искренность веры другого человека. Но по поведению Гоголя можно предположить, что как грамоте его учил семинарист, так основы веры были заложены в нем мелкопоместной семейной средой, у которой вера в Бога был неразрывно связана с множеством суеверий. Поэтому он очень хорошо видел разного рода

нечистую силу, с одной стороны, и ангелов – с другой, а обычная теплая, спокойная, радостная вера, отличающая настоящих христиан в повседневной жизни, была ему не свойственна.

К этому можно добавить описание некоторых странностей Гоголя у Владимира Набокова (который вообще-то считал: Гоголь – циник, лицемер, льстец, изворотливый лгун – и вместе с тем гениальный писатель):

«Гоголь... не был до конца реален. Школьником он с болезненным упорством ходил не по той стороне улицы, по которой шли все; надевал правый башмак на левую ногу, посреди ночи кричал петухом и расставлял мебель своей комнаты в беспорядке, словно заимствованном из «Алисы в Зазеркалье»...

Гоголь был странен во всем; но странность и есть основная черта гения. Только здоровую посредственность принимает благодарный читатель за мудрого старого друга, так славно излагающего и развивающего собственные, читательские, мысли о жизни. Великая литература всегда на краю иррационального...

У Гоголя иррациональное в самой основе искусства, и как только он пытается ограничить себя литературными правилами, обуздать логикой вдохновение, самые истоки этого вдохновения неизбежно мутятся. Когда же, как в «Шинели», он дает волю бредовой сущности своего гения, он становится одним из трех-четырех величайших русских беллетристов...

Любимицей Гоголя была муза абсурда, муза нелепости. Смешное – лишь один завиток нелепости, ибо в абсурдном столько же оттенков, сколько в трагическом: в него-то, на последнем пределе спектра, и переходит гоголевская призматическая нелепица».

Сергей Гупало объясняет негативную оценку личности Гоголя Набоковым тем, что биограф пользовался лишь доступными ему источниками, прежде всего книгой Викентия Вересаева «Гоголь в жизни», явно тенденциозной. Дескать, книга В.Вересаева издана в 1933 году. Разрешила бы советская цензура показать Николая Гоголя как человека глубоко верующего, защищающего крепостное право?! (Естественно, и как сторонника самодержавия. – МЛ.).

Андрей Белый показывает, что Гоголь не знал настоящего русского языка и **сотворил некий им самим созданный русский**: «Выезды к Трошинскому – окно в свет (со стороны), чтобы пережить грань, отделяющую его от общества; учил его в детстве семинарист; западная литература и позднее – предмет, не изученный Гоголем; позднее ему указывают на Мольера, Гете, Шиллера, Шекспира, романтиков; семинарская вычурность выражений, мещанские словечки и канцелярская высокопарность, – **элементы, из которых позднее вылепливает он свой русский язык**». (Неправильность русского языка в произведениях Гоголя бьет в глаза, ее отмечал и его друг Михаил Погодин, но добавлял при этом: «Писать ты сам никогда не будешь правильно. Тебе нужен стилист, который бы исправил безделицы, а язык твой и без правильности имеет такие достоинства высшие, которые заменяют ее с лихвою. Греч и Булгарин правильны, да что же толку!».) Действительно, стоит сравнить прозу Пушкина, Лермонтова или Тургенева с прозой Гоголя, чтобы понять, что он – писатель русскоязычный. Да Гоголь и сам признавал уже на склоне лет несопоставимость своих творений с прозой Пушкина (что в немалой степени, видимо, объяснялось и блестящим владением русским языком у Пушкина):

«...Сравнительно с «Капитанской дочкой» все наши романы и повести кажутся приторною размазней. Чистота и безыскусственность вошли в ней на такую высокую степень, что сама действительность кажется перед нею искусственной и карикатурною. В первый раз выступили истинно-русские характеры: простой комендант крепости, капитанша, поручик; сама крепость с единственною пушкою, бестолковщина времени и простое величие простых людей, все – не только самая правда, но еще как бы лучше ее. Так оно и быть должно: на то и призвание поэта, чтобы из нас же взять нас и нас же возвратить нам в очищенном и лучшем виде».

Но, сказав о не вполне русском языке Гоголя, Андрей Белый восхищается: «Что за слог! ... Такова одна сторона гоголевской стилистики, перебиваемая подчас грубым (даже не грамматическим) оборотом речи или совершенно грубым, нелепым и даже пошлым приемом. Такие

ничего не говорящие эпитеты, как «чудные», «роскошный», «очаровательный», пестрят слог Гоголя и сами по себе ничего не выражают; но в соединении с утонченнейшими сравнениями и метафорами придают особое обаяние слогу Гоголя. Как не помнить поразительной повести о капитане Копейкине; но потрудитесь взглянуть, в чем технический фокус этого приема: совершенно банальное изложение злоключений несчастного капитана перебивается буквально через два слова вставкой выражений «изволите ли видеть», «так сказать» и т. д.

Именно этим грубым приемом достигает Гоголь ослепительной выразительности. Слог Гоголя одновременно и до-культурный, и вместе с тем превосходит в своей утонченности не только Уайльда, Рембо, Сологуба и других «декадентов», но и Ницше подчас».

«Мелкий помещик и не взлетал в «свет», – продолжает Андрей Белый, – разве – трудом и упорством, не брезгающим средствами, достигал он служебных успехов; не делался и предпринимателем; чаще всего оседаая все ниже...

Гоголи, выйдя из низших сословий, были, так сказать, «мещанами во дворянстве» (не по быту, а по происхождению) среди помещичьей знати... да и сам «Никоша» Гоголь, притянувшийся к писарям и дьячкам в силу уз крови, как позднее притягивался к землякам в силу национального родства; великороссийский аристократ, «боярин» по крови, был наиболее чужд Гоголю; в кругу дьячков чувствовалась непринужденность; здесь можно было и «назиднуть», и блеснуть «светом»... в пику тем, кто утирает носы полою, изумить всех тем, что вынуть «опрятно сложенный белый платок...и, исправивши, что следует, складывать его снова... в двенадцатую долю и прятать».

Паныч поздней разругался с кружком, дернув в Питер, где град неудач заставил почувствовать бессилие своего выдвигенчества в «высшем свете», где, не владея образованием, языками, средствами, манерами, умением танцевать и свободно болтать с золотой молодежью, надо было скромно усестся в угол... «незадачник» читал свои первые опыты в кругу приживалок.

Личная обида сидела невынутою занозой; отсюда позднее самозащита при помощи оригинальничанья, потом докторальности, выросшей в гидру самомнения, в каприз «гения», с которым возились взапых представители того сословия, среди которого Гоголь некогда появился «гадким утенком»... «На балы... едете... позевать в руку», коли не умеешь пройтись мазуркою, остается... «зевать в руку»; вспомните, с каким благодушием описывает Толстой танцы: мазурки Денисова, Николая Ростова, вальс князя Андрея с Наташей, Анну Каренину на балу; воздух бала был свойственен его сословию.

Гоголь же отзывается – на гопак... Гоголь обсмеивает салоны с «Индиями и Персиями» позолоченными; но и простые его отношения с родными «делаются все менее... искренними».

Особенно трудно складываются отношения с матерью. Владимир Набоков нашел этому такое объяснение:

«Он так ясно сознавал, какой у нее дурной литературный вкус, и так негодовал на то, что она преувеличивает его творческие возможности, что, став писателем, никогда не посвящал ее в свои литературные замыслы, хотя в прошлом и просил у нее сведений об украинских обычаях и именах. Он редко с ней виделся в те годы, когда мужал его гений. В его письмах неприятно сквозило холодное презрение к ее умственным способностям, доверчивости, неумению вести хозяйство в имении, хотя в угоду самодовольному, полурелигиозному укладу он постоянно подчеркивал свою сыновнюю преданность и покорность – во всяком случае, пока был молод, – облакая это в на редкость сентиментальные и высокопарные выражения». Вообще «читать переписку Гоголя – унылое занятие».

«Так – с одной стороны; а с другой – стоит вспомнить, как в самые страшные минуты жизни обращается он к матери с просьбой помолиться за него и верить в чудо молитвы, как в свою последнюю святыню и спасение, – чтобы почувствовать, чем для него была мать...»

Это добавление совсем не отменяет сказанного выше. Ведь не Гоголь молится о матери, а он просит мать в трудную минуту для него помолиться за него. Обычная ситуация для эгоистической личности, занятой исключительно собой и своим творчеством. Возможно, именно поэтому Виктор Ерофеев на основании переписки с матерью и высказал мнение, что Гоголь – идиот.

Еще несколько строк из книги Андрея Белого, касающихся личности Гоголя:

«Расщеп в Гоголе – во-первых: смешение кровей, впитанное с молоком матери; во-вторых: признаки поднимающейся борьбы классов; сквозь усилия «оморалить» мелкопоместную жизнь чувствуется тяга к мещанскому сословию и снюханность с бытом писцов и поповичей.

Позднее «великороссиянин» Гоголь с великоруссами и мудрил, и хитрил: едва отвечал на вопросы, засыпал или открыто зевал в восхищенно раскрытые на него рты Аксаковых; встретив же украинца, часами отдавался с ним «хохлацки-бурсацким» замашкам; позднее, став знаменитостью, европейцем, шокирует он манерами дурного тона представителя света, сетующего на Смирнову за то, что она покидает свой круг для выскочки Гоголя. Подчеркивают безвкусицу пестрых жилетов его, ярких галстуков, бледно-голубой фрак с золотыми пуговицами; и подстриженными висками, и хохолком, и претенциозностью производит он неприятное впечатление на С. Т. Аксакова: при первом знакомстве.

А чего стоит тон писем молодого Гоголя! Из письма к Жуковскому 1831 года: «О, с каким бы... восторгом потрянул власами головы моей прах сапогов Ваших... возлег бы у ног Вашего превосходительства и ловил бы жадным ухом сладчайший нектар из уст Ваших». Из письма к Дмитриеву (1832 г.): «Я вижу в Вас нашего патриарха поэзии... упрасывая не перемывать драгоценного Вашего расположения ко мне»; в более своем кругу выражается он иначе; о Пушкине (про которого пишет Жуковскому: «Пушкин, как ангел святой»): «он протранжирует всю жизнь свою» (Данилевскому); о Крылове (Погодину): «этот блюдолиз... летает, как муха, по обедам». Чувства его изменны: «что значит не встретить отзыва» – пишет отзывчиво Погодину он; а бежит через несколько лет из его особняка: отвязаться от дружбы; заискивая у Белинского, конфузится общения с ним...

Между гопаком и «позой» искала равновесия измученная личность; но неравновесие было предопределено: неравновесием социальных условий, породивших Гоголя; гопакающий писарь себя защищал величием дворянина; а «дворянчик» лез в генералы наставлять «их высокопревосходительств»: «огромно, велико мое творение...»

Исследователи мало обращали внимания на удивительное сочетание в Гоголе неуклонного стремления к одной единственной цели – служению человечеству – и в то же время раздвоенности. Это подметил Дмитрий Мережковский:

«Жизнь и смерть Гоголя свидетельствуют о том, какая страшная искренность была в этой детской мечте его. И вот, однако, в это же самое время, среди глубокого обдумывания «нового бытия», уже стремясь в Петербург на великое служение, он пишет туда же о другой столь же пламенной и заветной мечте своей – о модном фраке и панталонах». Творец, всецело преданный своему писательскому поприщу, и прагматик (хотя и не вполне удачливый) странным образом сочетались в Гоголе.

Антирусская направленность «Вечеров» и «Петербургских повестей»

И практически в то же время, когда он работал над «Вечерами», Гоголь в письме передает свои впечатления от Петербурга. Сразу по приезде в столицу она поразила его: всюду, кроме центра, грязь и нищета, а также бездуховность. (Вспоминается ехидное ерофеевское

про Ленина: «Европа после Шушенского, само собой, дерьмо собачье».) По словам Владимира Набокова, «двадцатилетний художник попал как раз в тот город, который был нужен для развития его ни на что не похожего дарования; безработный молодой человек, дрожавший в туманном Петербурге, таком отчаянно холодном и сыром по сравнению с Украиной (с этим рогом изобилия, сыплющим плоды на фоне безоблачной синевы), вряд ли мог чувствовать себя счастливым... Пропущенный сквозь восприятие Гоголя, Петербург приобрел ту странность, которую приписывали ему почти столетие; он утратил ее, перестав быть столицей империи. Главный город России был выстроен гениальным деспотом на болоте и на костях рабов, гниющих в этом болоте: тут-то и корень его странности – и его изначальный порок... болотные духи постоянно пытаются вернуть то, что им принадлежит... Но странность этого города была по-настоящему понята и передана, когда по Невскому проспекту прошел такой человек, как Гоголь».

Петербург – это город, где «никакой дух не блещит в народе, все служащие да должностные, все толкуют о своих департаментах да коллегиях, все подавлено, все погрязло в бездельных, ничтожных трудах, в которых бесплодно издерживается жизнь их». В том, что «в северной столице нашего обширного государства случается «необыкновенно странное происшествие», «виноват петербургский климат». В этом городе «охватывает одиночество», там «с площадей огонек «будки кажется на краю света», а ветер дует сразу с четырех сторон, и чиновнику вмиг надувает «жабу», так что он «весь распух и слег в постель». «Холодный, пахнувший ветер»; «лунное сияние на крышах»; «все... тихо»; лишь долетает «дребезжанье дрожек извозчика»; «деревянные дома, заборы; нигде ни души»; в пустыре стоит «будочник и, опершись на... алебарду», глядит на... мертвеца. Неудивительно, что такой город породил и ужас, и бред: гоголевских героев; потом – Гоголя-«Никоши».

Средоточие бреда – Санкт-Петербург, изображенный мороком. «Петербург разбил Гоголя; и он уцепился за иронию, как за средство самозащиты; доминирует же не смех, а страх: «Не верьте Невскому»; самый смех здесь – выражение ужаса», напоминающего ужас колдуна из «Страшной мести».

В самом начале творческого пути Гоголя заявлена эта тема, противопоставление прекрасной Украины, где кипит настоящая жизнь, и мрачной, холодной России, где прозябают чиновники, пьет горько мастеровой люд и творят бестолковые дела крестьяне – дяди Митяи и дяди Миняи.

Казаки называли себя дворянами, на иногородних и прочую мелюзгу смотрели свысока. Еще ниже стояли жид-шинкарь и жидовка-шинкарка. Уже упоминавшийся Данило Бурульбаш сетует: «Жидовство угнетает бедный народ». Впрочем, подобных высказываний у героев Гоголя немало. Кинорежиссер Владимир Бортко объясняет это так:

«Так исторически сложилось. Антисемитизм был не только у казаков. Он был и в Польше, он был и у нас – он был везде. Дело в том, что евреи были вообще лишены возможности заниматься чем-либо, кроме ростовщичества – со всеми вытекающими отсюда последствиями. Это было бедой народа, а не какой-то национальной особенностью. Казачество же было, мягко говоря, не склонно заниматься экономической деятельностью. Все это не замедлило сказаться на отношениях казаков с евреями».

Но еще ниже еврея стояли москаль, то есть русские, великороссы: Веселые украинские хуторяне-балагуры не врали, а «москаля везли», а если и подчас и ругались, то только выкрикивая «сучий москаль!». «Когда черт да москаль украдут что-нибудь – то поминай, как и звали». Москалей еще называли и кацапами (похожими на козла: «как цап»). И украинский помещик Григорий Сторченко уверял Ивана Шпоньку: «Проклятые кацапы... едят даже щи с тараканами». Долго потом ездил Гоголь с Чичиковым по Руси, но так и не нашел столь же восхитительных картин природы, как на Украине, а тем более – симпатичных русских людей. Грязь в деревнях, грязь на помещичьем дворе, по которой щеголяет вся дворянщина Плюшкина в един-

ственной на всех паре сапог, непролазная грязь на дорогах... Тогда как в Миргороде и лужа на центральной площади – это не грязь, а что-то вроде местной достопримечательности, своего рода визитная карточка, приглашение: «Милости просим в наш славный город!»

Та же тема получила развитие и в «Петербургских повестях» Гоголя.

В «Невском проспекте» эта улица рисуется как «единственное место, где показываются люди не по необходимости, куда не загнала их надобность и меркантильный интерес, объемлющий весь Петербург... Это единственное развлечение бедного на гулянье Петербурга», не то, что в Диканьке. Между тем в других произведениях Гоголя говорится, что жизнь в Петербурге приятна тем, что там можно пойти в театр, его регулярно посещают и Хлестаков, и Поприщин. И даже слуга Хлестакова Осип понимает, что жизнь в Питере «тонкая и политичная». Он тоже имеет представление о «кеатре», как и о заведениях, где «собаки тебе танцуют». Даже на Невском проспекте в известные часы «неприлично ходить дамам, потому что русский народ любит изъясняться такими резкими выражениями...». Вероятно, разговоры обитателей Диканьки по сравнению с этим – верх политеса, образцы которого – едва ли не на каждой странице «Вечеров»:

«Чтоб ты подавился, негодный бурлак! Чтоб твоего отца горшком в голову стукнуло! Чтоб он подскользнулся на льду, антихрист проклятый! Чтоб ему на том свете черт бороду обжег!»

«Что за черт! Куда вы мечетесь как угорелые?»

И это не считая непечатных выражений, о которых можно судить хотя бы по легендарному письму запорожцев турецкому султану.

Петербург настолько мрачен, что даже само существование в нем художников кажется каким-то парадоксом: «Художник петербургский! Художник в земле снегов, художник в стране финнов, где все мокро, гладко, бледно, серо, туманно». А ведь в Петербурге не только живут художники, но и работает Академия художеств, награждающая лучших своих выпускников продолжительными поездками в Италию (как хотя бы будущего приятеля Гоголя Александра Иванова). И многие соотечественники Гоголя учились в этой Академии, преподавали в ней и, как правило, оставались жить в мрачном Петербурге, а отчего-то не спешили возвращаться на свою солнечную, цветущую родину. Объективности ради замечу, что на большинстве территории Украины зимой бывают и снежные бури, и морозы стоят приличные. Недаром казак Чуб, войдя в хату к Солохе, просит: «дай теперь выпить водки. Я думаю, у меня горло замерзло от проклятого мороза...»

Мрачен Петербург и потому, что там квартальный запросто «увещевает по зубам глупого мужика, наехавшего со своею телегою как раз на бульвар». А ни в чем не повинный в приключении с носом майора Ковалева «мошенник цирюльник на Вознесенской улице сидит теперь на съезжей», ибо квартальный «давно подозревал его в пьянстве и воровстве...». Зато превосходно чувствует себя в столице поручик Пирогов. (Этот Хлестаков, уже выпоротый немецкими ремесленниками, но еще не выехавший в имение отца в Саратовской губернии и потому не попавший в славный город, где владычествует Антон Сквозник-Дмухановский.)

Предоставляю читателям оценить всю глубину оценки творчества Гоголя Юрием Кирпичевым («ЛР», № 29. 24.07.2009):

«Увы, пик Гоголя не достиг ожидаемой высоты, оборвал свой рост и перешел в плато морализаторства, ставшее, впрочем, фундаментом золотого века больших писателей – и имперской идеологии. Разумеется, не он заразил россиян их болезненным чувством величия: великий народ, великая страна, великая литература. Но, кажется, именно он первым и громко заговорил об особом величии русского народа, о необыкновенной широте его души, о превосходстве над всеми иными народами, что не только дает ему право, но и возлагает на него прямую обязанность править миром Божьим предначертанием.

Через сто лет подобную идею доведет до логического конца Гитлер и всем крепко перепадет, но он был плохим писателем и его юбилей мало кто отмечает...

Величие – это хорошо! Pax Romana, Третий Рим, Deutschland über alles, American dream, Москва для москвичей. Но если только и говорят, что о величии, стоит принюхаться – запахнет казармой и портянками! Человек – да, он может быть велик, как бы ни смеялся Лукулл над Помпеем Магном, но великие люди обычно обходятся дорого своему народу. И все же нынешняя ситуация, когда их нет и даже нет в них необходимости, когда народ прекрасно без них обходится, но только и думает, что о своем величии, симптоматична». (Выделено мной. – МЛ.)

Нужно обладать весьма специфическим мировосприятием, чтобы Гоголя, всегда при-
нижавшего русского человека и русское государство, представить основоположником российской имперской идеологии (и даже, с другой стороны, предшественником Гитлера!). Впрочем, это не удивительно, если для Ю.Кирпичева великая русская литература обозначена тремя вершинами: «Словом о полку Игореве» (подлинность которого, несмотря на сотни доказательств, для многих остается сомнительной), Михаилом Булгаковым (все величие которого – в показе ничтожества советского человека) и Веничкой Ерофеевым (вряд ли нуждающимся в характеристике). И очень удачно выбрал он время, чтобы насмеяться над идеалами величия: именно сейчас, когда душа русского народа, как никогда, жаждет образа героя – настолько, что за неимением такового в жизни готова принять за него какого-нибудь ловкого криминального авторитета типа Япончика (Иванькова).

Русские писатели потеснились и сразу же отвели новичку почетное место в первом своем ряду. А Пушкин даже подарил ему сюжеты двух главных произведений. Белинский же еще при жизни Пушкина назвал Гоголя главой русской литературы. Думаю, это один из частых в жизни великого критика перехлестов: Гоголь стал не столько главой, сколько поприщинским королем, «Фердинандом VIII русской литературы».

«Гоголь в 1828 году понесся из Нежина, как в некую «Индию раззолоченную», – в Петербург; и так же в 1836 году, из Петербурга, едва живой, – вынесся: «я устал и душою, и телом... Никто не знает моих страданий... Я хотел бы убежать... Пароход, море и другие, далекие небеса – могут одни освежить меня»; «забросило русскую столицу на край света»; «воздух подернут туманом; на... серо-зеленой земле обгорелые пни...»; «хорошо... что... поющие и звенящие тройки духом пронесут мимо»; так написавши, едва живой, выносятся... за границу.

Игорь Золотусский заметил, что Гоголь превратил «Мертвые души» (о них ниже будет сказано подробнее) в своеобразный суд над всемирной историей. Впрочем, и сам автор поэмы не скрывал этой своей задушевной мысли уже и от читателей первого тома: «Какие искривленные, глухие, узкие, непроходимые, заносящие далеко в сторону дороги избирало человечество, стремясь достигнуть вечной истины, тогда как перед ним весь был открыт прямой путь к великолепной храмине, назначенной царю в чертоги». Но смеялись предыдущие поколения над этим прямым, зато «узким» путем и валили по «широкой» дороге к гибели (здесь слова «узкий» и «широкий» берутся в том значении, в каком они употреблены в Евангелии – Мф 7:13—14). Так и не извлекло человечество надлежащих уроков из этого трагического заблуждения, и «смеется текущее поколение и самонадеянно, гордо начинает ряд новых заблуждений, над которыми также потом посмеются потомки».

Гоголь полагал, что он и был призван поучать Россию и человечество, как, еще будучи гимназистом, поучал в письмах родную мать. И в Петербург он явился максималистом, с уже сложившимися убеждениями и с явным намерением **изменить жизнь мира**, где так много «в человеке бесчеловечья!».

России Гоголь не знал, что станет ему ясно позднее и о чем он сам с горечью писал на склоне дней, русского человека не понимал и все время пытался навязать ему свои, вывезенные с Украины и чуждые русским, духовно-нравственные и общественно-политические идеалы. Идеал (к сожалению, в прошлом) – это жизнь казаков Запорожской Сечи. Отражение

того идеала в настоящем – это вечера близ Диканьки. Идеал будущего – может, через двести лет и появится русский человек в полном его развитии (примером которого он считал Пушкина), а пока... (Выработал он и еще один идеал – христианина, отшельника в миру, но об этом чуть позже.) Современная Гоголю русская жизнь казалась ему пошлой и унылой, ибо «дрянь и тряпка стал теперь всяк человек». Между тем Россия была страной, переживавшей «золотой век» свой культуры, быстро наращивавшей экономическую мощь. Вдобавок, она еще была «жандармом Европы» или, лучше сказать, гарантом стабильности на континенте. Бывало, иные европейские государи ездили в Петербург едва ли не так же, как русские князья ездили в Орду за ярлыком на княжение. «Россия – государство военное, и ее назначение – быть грозой свету», – говаривал Николай I (тут он, правда, несколько промахнулся).

Составить панораму жизни такой пошлой России не смог бы, видимо, ни один русский писатель. Тут требовался именно русскоязычный «инородец».

«...Гоголю предстояло высмеять Русь, то есть выполнить задачу, непосильную человеку исконно русскому. Наверное, по той же причине, и величальную песню, когда для этого наступит час, предстоит сложить поэту-«инородцу». Это – райская задача. А Гоголь был обречен нести адскую ношу – смеяться над родиной», – пишет Камиль Тангалычев в статье «Кто-то незримый пишет передо мною» («ЛР», № 12, 2009)...

И далее (прошу извинения за обширную цитату): «Жуковскому Гоголь писал из Парижа: «Вся Русь явится в нем (в тексте «Мертвых душ». – К. Т.). Это будет первая моя порядочная вещь, которая вынесет мое имя. Каждое утро в прибавление к завтраку вписывал я по три страницы в мою поэму, и смеху от этих страниц было для меня достаточно, чтобы усладить мой одинокий день...» Но в том же письме написано: «И мне сделалось страшно скучно. Меня не веселили мои «Мертвые души»...

Без смеха Гоголя не могла обходиться история России... Гоголь намеревался поехать в солнечную Италию, где, наверное, было бы удобнее вздохнуть над Россией, но «в Италии бушевала холера...».

Кто же его, столь угрюмого от природы, так настойчиво смешил, кто щекотал до полусмерти? Не вселенский ли леший заигрывал с ним? Заигрывал – заставляя смеяться над великой родиной? Не от лукавого ли получал Гоголь вдохновение? Ведь когда заканчивалось наваждение смеха, когда наступало озарение, когда ничьи длинные игривые пальцы не касались его души, Гоголю становилось плохо, обострялись все его болезни, перед его взором возникала беспросветность, и он вновь и вновь начинал искать спасения в Боге, цепляться за незримую соломинку молитвы, скрываться от лукавого преследования в церкви, искать общения со старцами. Однако ничто не могло его спасти. И молитвой противореча своей сущности и призванию, Гоголь мог достигнуть только юродства.

Сущность брала свое. И Гоголь, тщательно скрываясь от посторонних глаз, будто бы возвращаясь к мучительному списыванию текстов с незримых демонических свитков. «Мертвых душ» не быть не могло, как не могло не быть заготовленного в тайниках стихий урагана, горного обвала, извержения горящей лавы.

В то же время Гоголь признавался: «Прямо скажу: все мои последние сочинения – история моей собственной души. Я стал наделять своих героев, сверх их собственных гадостей, моей собственной дрянью. Вот как это делалось: взявши дурное свойство мое, я преследовал его в другом звании и на другом поприще, старался изобразить его себе в виде смертельного врага, нанесшего мне самое чувствительное оскорбление, преследовал его злобою, насмешкою и всем, чем ни попало. Если бы кто видел те чудовища, которые выходили из-под пера моего вначале для меня самого, он бы точно содрогнулся».

Уж не падшего ли ангела, превратившегося в птицу и питавшегося мертвыми душами, преследовал в себе Гоголь?

Пушкин четко улавливал все движения в стихии, которая обрела смысл бытия в метафоре, предчувствовал неизбежность горного обвала, вызванного неизбежным громким смехом. Видимо, счел нужным упреждать и контролировать. Именно Пушкин, осознав, что из себя представляет Гоголь, отдал ему собственный сюжет, «из которого он хотел сделать сам что-то вроде поэмы и которого, по словам его, он бы не отдал другому никому».

Пушкин, должно быть, говорил правду. Он понимал, чего от него самого требовала история, но чего он не в силах был осуществить столь хладнокровно, оставаясь тем единственным Пушкиным. Да и Гоголь понимал, на что он идет перед лицом вечности: «Огромно велико мое творение, и не скоро конец его. Еще восстанут против меня новые сословия и много разных господ. Кто-то незримый пишет передо мною могущественным жезлом...» Пушкин хотел написать поэму, ничего другого не оставалось сделать и Гоголю.

Видел и Пушкин это вещее письмо перед собою, видел завершенность «Мертвых душ» в истории, видел вознесение этого пласта в горную мастерскую. Но эта огромная глыба отечественных пороков, которой суждено сорваться с небесной горы и вызвать вековечный обвал, могла задавить самого Пушкина, изуродовать его памятник. И только Гоголь – единственная птица, прилетевшая в русскую литературу, – мог добраться до этой глыбы, скатить ее по склону, оставшись при этом невредимым.

Пушкин, давая простор Гоголю, изгонял из своей души тень, чтобы навеки остаться прозрачным поэтом. И об этом ему было необходимо самому позаботиться на земле.

Каторжный труд сулила Гоголю судьба – насмехаться над людьми, над Россией. Гоголь был обречен на это. Откровенно одно из писем, написанное в июле 1845 года: «Вы коснулись «Мертвых душ» и говорите, что исполнились сожалением к тому, над чем прежде смеялись. Друг мой, я не люблю моих сочинений, доселе бывших и напечатанных, и особенно «Мертвых душ». Но вы будете несправедливы, когда будете осуждать за них автора, принимая за карикатуру насмешку над губерниями так же, как были прежде несправедливы, хваливши. Вовсе не губерния и не несколько уродливых помещиков, и не то, что им приписывают, есть предмет «Мертвых душ». Это пока еще тайна, которая должна была вдруг, к изумлению всех... раскрыться в последующих томах, если бы Богу угодно было продлить жизнь мою... Была у меня, точно, гордость, но не моим настоящим, не теми свойствами, которыми владел я, гордость будущим шевелилась в груди, – тем, что представлялось мне впереди, – счастливым открытием, что можно быть далеко лучше того, чем есть человек»...

Лучше того, «чем есть человек», может быть только птица, о чем Гоголь не мог не помнить с перворождения. Потому и мучительно пытался свить своей душе на земле то единственно достойное гнездо, которое помнилось ему с незапамятных времен. И «он так писал, – вспоминает граф Сологуб, – и был всегда недоволен, потому что ожидал от себя чего-то необыкновенного. Я видел, как этот бойкий, светлый ум постепенно туманился в порывах к недостижимой цели».

Далее у Тангалычева идут рассуждения о демоническом и райском текстах «Мертвых душ», что, на мой взгляд, ближе не к литературоведению, а к богословию, причем не христианскому, а потому остальную часть его статьи я опушу, приведу лишь ее окончание:

«Мертвые души» – можно сказать, самый адский труд Гоголя. За оставшийся первый том поэмы он на земле же испытал муки ада; а там, в вечном мире, он за сожжение второго тома, возможно, получил освобождение...

Гоголь появился на Руси, чтобы смеяться над ней, высмеять ее перед всем миром. И, наверное, заботясь о покое для своей души, Гоголь в завещании просит Россию не ставить памятника над его могилой, заверяет, что он сжег все свои бумаги. «Мне страшно вспомнить обо всех моих мараньях. Они вроде грозных обвинителей являются глазам моим. Забвенья, долгого забвенья просит душа...»

Просьба Гоголя вряд ли достигла вышины. Вышина внимала его уже незабвенной поэзии...» (Выделено мною. – М.А.)

Естественно, при таком состоянии общества поэт-пророк и мог только воскликнуть: «Скучно на этом свете, господа!» Он обязан был вооружить заблудшее человечество идеалом героя.

Любил ли Гоголь Россию? Безусловно, он об этом говорил и писал многократно (хотя и приврать, и польстить он был мастер). Но в основном Гоголь с Россией мирился лишь «из прекрасного далека»; его приезды в Россию кончались недоумением: «Россия, Петербург, снега, подлецы, департамент, кафедра, театр, все это снилось». (Из письма 1837 года.) В 1840 году он пишет из Москвы: «Какой тяжелый сон... О, мой Рим!»; «как тягостно мое существование в моем отечестве» – пишет он Максимовичу в 1842 году и – к Балабиной (того же года): «с того времени, как... ступила моя нога в родную землю... как будто очутился я на чужбине»; «Исповедь» полна недоумений: в России Россию нельзя понять: у каждого в голове своя Россия; в России не говорят о России, не знают России, не хотят России». Словом, Гоголь любил выдуманную им Россию, «исправленную» в соответствии с его казачьим идеалом, а не подлинную Россию, которой он не знал, а по мере того, как узнавал ее, ужасался.

Как писал Василий Розанов в своей книге «Легенда о великом инквизиторе», «Гоголь был великий платоник, бравший все в идее, в грани, в пределе (художественном); и, разумеется, судить о России по изображениям его было бы так же странно, как об Афинах времен Платона судить по отзывам Платона... **в портретах своих, конечно, он не изображает действительность**, но схемы породы человеческой он изваял вековечно; грани, к которым вечно приближается или от которых удаляется человек... **Мертвым взглядом посмотрел Гоголь на жизнь, и мертвые души только увидал он в ней. Вовсе не отразил действительность он в своих произведениях**, но только с изумительным мастерством нарисовал ряд карикатур на нее: от этого-то и запоминаются они так, как не могут запомниться никакие живые образы. Рассмотрите ряд лучших портретов с людей, действительных в жизни, одетых плотью и кровью, – и вы редкий из них запомните; взгляните на очень хорошую карикатуру, – и еще много времени спустя, даже проснувшись ночью, вы вспомните ее и рассмеетесь. В первых есть смешение черт различных, и добрых и злых наклонностей, и, пересекаясь друг с другом, они взаимно смягчают одна другую, – ничего яркого и резкого не поражает вас в них; в карикатуре взята одна черта характера, и вся фигура отражает только ее – и гримасой лица, и неестественными конвульсиями тела. Она ложна и навеки запоминается. Таков и Гоголь. И здесь лежит объяснение всей его личности и судьбы. Признавая его гений, мы с изумлением останавливаемся над ним, и когда спрашиваем себя: почему он так не похож на всех.

В «Выбранных местах из переписки с друзьями» можно, в сущности, найти все данные для определения внутреннего процесса его творчества... «Я уже от многих своих недостатков избавился тем, что передал их своим героям, их осмеял в них и заставил других также над ними посмеяться... Тебе объяснится также и то, почему я не выставлял до сих пор читателю явлений утешительных и не избирал в мои герои добродетельных людей. Их в голове не выдумаешь.

Пока не станешь сам сколько-нибудь на них походить, пока не добудешь постоянством и не завоюешь силою в душу несколько добрых качеств, – мертвечина будет все, что ни напишет перо твое». Здесь довольно ясно выражен субъективный способ создания всех образов его произведений: они суть выдавленные наружу качества своей души, о срисовке их с чего-либо внешнего даже и не упоминается. Так же определяется и самый процесс создания: берется единичный недостаток, сущность которого хорошо известна из субъективной жизни, и на него пишется иллюстрация или иллюстрация «с моралью». Ясно, что уже каждая черта этого образа отражает в себе по-своему этот только недостаток, ибо иной цели рисуемый образ и не имеет. Это и есть сущность карикатуры...

Он (Гоголь) был до такой степени уединен в своей душе, что не мог коснуться ею никакой иной души: и вот отчего так почувствовал всю скульптурность наружных форм, движений, обликов, положений. О нем, друге Пушкина, современнике Грановского и Белинского, о члене славянофильского кружка в лучшую, самую чистую пору его существования, рассказывают, что «он не мог найти положительного образа для своих созданий»; и мы сами слышим у него жгучие, слишком «зримые» слезы по чем-то неосуществимом, по каком-то будто бы «идеале». Не ошибка ли тут в слове и, подставив нужное, не разгадаем ли мы всей его тайны? Не идеала не мог он найти и выразить; он, великий художник форм, сгорел от бессильного желания вложить хоть в одну из них какую-нибудь живую душу. И когда не мог все-таки преодолеть неудержимой потребности, – чудовищные фантазмагии показались в его произведениях, противоестественная Улинька и какой-то грек Костанжогло, не похожие ни на сон, ни на действительность. И он сгорел в бессильной жажде прикоснуться к человеческой душе...

Гениальный художник всю свою жизнь изображал человека и не мог изобразить его души. И он сказал нам, что этой души нет, и, рисуя мертвые фигуры, делал это с таким искусством, что мы в самом деле на несколько десятилетий поверили, что было целое поколение ходячих мертвецов, – и мы возненавидели это поколение, мы не пожалели о них всяких слов, которые в силах сказать человек только о бездушных существах. Но он, виновник этого обмана, понес кару, которая для нас еще в будущем. Он умер жертвою недостатка своей природы, – и образ аскета, жгущего свои сочинения, есть последний, который оставил он от всей странной, столь необыкновенной своей жизни. «Мне отмщение и Аз воздам» – как будто слышатся эти слова из-за треска камина, в который гениальный безумец бросает свою гениальную и преступную клевету на человеческую природу». (Выделено мной. – *М.Л.*)

По мысли Розанова, все последующее развитие русской литературы второй половины XIX – начала XX века было отталкиванием от мертвечины Гоголя, преодолением его мертвящего взгляда на жизнь.

«Что не сознается людьми, то иногда чувствуется ими с тем большею силою. Вся литература наша после Гоголя обратилась к проникновению в человеческое существо; и не отсюда ли, из этой силы противодействия, вытекло то, что ни в какое время и ни у какого народа все тайники человеческой души не были так глубоко вскрыты, как это совершилось в последние десятилетия у всех нас на глазах? Нет ничего поразительнее той перемены, которую испытываешь, переходя от Гоголя к какому-нибудь из новых писателей: как будто от кладбища мертвецов переходишь в цветущий сад, где все полно звуков и красок, сияния солнца и жизни природы. Мы впервые слышим человеческие голоса, видим гнев и радость на человеческих лицах, знаем, как смешны иногда они бывают: и все-таки любим их, потому что чувствуем, что они люди и, следовательно, братья нам».

Но, страшась увиденной им России, Гоголь при этом призывал и себя, и читателей не пугаться, не унывать по поводу «страхов и ужасов России», а верить в ее славное будущее, едва ли не предсказанное ему свыше. Пока он был здоров, он умел тонко польстить нужному ему человеку. Возможно, льстил он подчас и целой России. Но вот почувствовал он приближение смерти... Уж не попытался ли Гоголь представить неопровержимое доказательство его любви к России, совершив мужественный акт, когда он сжег второй том «Мертвых душ»? (Может быть, он не желал, чтобы Россию отождествляли с выведенными им уродами, и тем самым он давал бы поводы русофобам всех мастей порочить нашу страну.) А еще раньше призывал публику не читать и первый том, от которого сам отрекся.

Сам Гоголь не раз говорил, что не знает, какая у него душа – русская или хохлацкая. Но это и не казалось ему важным, ибо русские и украинцы – два народа, которые дополняют друг друга и созданы, чтобы жить вместе. Только вместе они могут явить «нечто совершеннейшее в человечестве». При этом **Гоголь никогда не отрекался от того, что он украин-**

нец. (А Пыпин в «Истории русской литературы» добавил: «Гоголь был малороссом до мозга костей...».)

Но не следует думать, что Гоголь был украинским националистом. Живи он в наши дни, он гневно осудил бы политиков вроде Ющенко или Тимошенко, а тем более националистов-западнцев. Гоголь не мыслил «незалежной» Украины, оторванной от России. Провинция, отделенная от столицы, показалась бы ему совершеннейшей глухоманью. Нет, он мечтал о присоединении «оказаченной» России к матери-Украине, то есть он был, скорее, украинским экспансионистом. Когда-то Сталин высмеивал западных политиков, предлагавших присоединить Советскую Украину к Закарпатской Украине (тогда еще не входившей в состав СССР). По его словам, эти «геополитики» мечтают о присоединении слона (обширной Советской Украины) к букашке (крохотной Закарпатской Украине). Гоголь тоже мечтал о воссоединении Великороссии – ядра величайшего государства того времени – Российской империи – не просто с гораздо меньшим территориальным образованием, а с давно уже не существующим, вымершим, оставшимся только в истории да в казацких песнях. Вот и получилась бы Новая Запорожская Сечь размером в одну шестую часть земной суши. Неприятие украинского сепаратизма определило и отношение Гоголя к Тарасу Шевченко: «Дегтю много, и даже прибавлю, дегтю больше, чем самой поэзии. Нам-то с вами, как малороссам, это, пожалуй, и приятно, но не у всех носы, как наши. Нам надо писать по-русски, надо стремиться к поддержке и упрочению одного, владычного языка для всех родных нам племен. Я знаю и люблю Шевченко, как земляка и даровитого художника. Но его погубили наши умники, натолкнув его на произведения, чуждые истинному таланту».

«В начале своей литературной деятельности, – заступается за гения Сергей Гупало, – Николай Гоголь очень увлекался Украиной, но вскоре охладел к ней как художник. В 1833 году о своих «Вечерах на хуторе близ Диканьки» он говорил: «Черт с ними! Я не издаю их вторым изданием; и хотя денежные приобретения были бы нелишние для меня, но писать для этого, прибавлять сказки не могу. Никак не имею таланта заняться спекулятивными оборотами». В то же время он жил надеждой написать многотомную историю Малороссии. Это свело его с профессором Михаилом Максимовичем, который готовил к печати «Украинские народные песни». Их дружба была очень крепкой, вдвоем они собирались ехать в Киев, где открылся университет. «В Киев, в древний, прекрасный Киев! Он **наш**, но не их (то есть не русских. – М.А.), – не правда? Там или вокруг него деялись дела страны нашей. Да, это славно будет, если мы займем с тобою киевские кафедры: много можно будет наделать добра», – писал Николай Гоголь своему земляку. Но Николаю Васильевичу предложили в Киевском университете лишь должность адъюнкта, и он отказался от поездки.

В 1834 году писатель еще мечтал купить в Киеве, где-то на возвышенности, домик с видом на Днепр. Летом 1835 года он побывал в Киеве, когда ехал в Москву из Крыма, остановился у Михаила Максимовича. Это была фатальная поездка на родную землю. Уже через два года писатель начнет отождествлять Украину с Россией, а родиной души, «где его душа жила, пока он не родился на свет», назовет Рим. (Ясно, что не Москву или Петербург. – М.А.). Вернувшись из Италии, Николай Гоголь поедет в Москву, а не на Полтавщину. В 1844 году писатель скажет: «...Сам не знаю, какая у меня душа, хохлацкая или русская...»

Во время работы над вторым томом «Мертвых душ» у Гоголя исчезло былое восхищение казацкой Малороссией, а понятие родины приобрело иной смысл. Только незадолго до смерти писатель начнет посещать родную Васильевку (Кстати сказать, родных своих он сторонился, чем немало их огорчал. – М.А.) Осенью 1851 года писатель навсегда покидает Сорочинцы и Васильевку и снова приезжает в Москву... Свои повести, в которых описана Украина, Николай Гоголь называл слабенькими, это были для него лишь упражнения, он их не ценил и даже отказывался от них».

Да, это тоже трагедия: любовь к Украине стала менее пламенной, ибо провинциализм ее бил в глаза писателю, прожившему и в Петербурге, и в Москве, и в десятке стран Западной Европы. Но и Россия так и не стала для него второй Родиной, в Москву он ехал, чтобы или завершить второй и третий тома «Мертвых душ», или окончить свою жизнь. А благословенная Италия, в особенности «вечный Рим», оставались уже недоступными. В России он так и остался русскоязычным писателем.

Поэтому я не во всем согласен с теми, кто утверждает, что Гоголь осмысленно принижал русского человека, противопоставляя ему героя – запорожского казака. Восприятие Гоголем русских было естественным для человека его происхождения и воспитания, особенной религиозной экзальтации и пр. Какой Гоголь видел Россию и русских через призму своего застопорившегося на казачестве сознания, таким он их и описывал. Поэтому следует проанализировать, что такое казачество – в представлении Гоголя и на самом деле. А пока краткий вывод о взаимоотношениях Украины и России (которые для нас важнее, чем отношения с любой другой страной мира).

То, что всестороннее сотрудничество русских и украинцев крайне желательно, у меня не вызывает сомнений. Но то, что это два народа-брата «не разлей вода», как раз крайне сомнительно вследствие громадной разницы в их менталитетах и геополитических устремлениях. Россия сдвигается к Азиатско-Тихоокеанскому региону – будущему центру мировой деловой активности, Украина, в соответствии с ее давними стремлениями, рвется в умирающую Европу. И не так уж невероятна мысль о возможном серьезном конфликте между Украиной и Россией. Будущее покажет, какой из этих народов устремлен в будущее, а какой – в прошлое.

За какую Русь и за какую веру боролись и умирали казаки

Доказательством русского патриотизма Гоголя принято считать повесть «Тарас Бульба» (по мнению Александра Привалова, самое устаревшее из произведений писателя). В ней, принятой с восторгом едва ли не всеми как произведение героическое и патриотическое, Гоголь выразил свой идеал: это – запорожские казаки (сам Гоголь писал: «козаки»). Повесть многократно экранизировалась на Западе, а недавно по ней был снят фильм и у нас, получивший немало как восторженных, так и отрицательных отзывов.

Горячий прием повести именно русскими основан на полнейшем недоразумении. Да, сердцевиной будущей украинской нации стало казачество. Сердцевиной духовной, а не этнической. Ведь казачество – это сборище лиц разных этносов, в Запорожской Сечи встречались не только малороссы, но и великороссы, и поляки, и татары-разбойники, и армяне, и лица совсем уж экзотических для этих мест этносов – венгры, потомки черных клобуков и даже турки. Часто это были разоренные беглецы, преступники, авантюристы. Значительная часть сечевиков в этническом отношении не имела ничего общего с малороссами, тогда преимущественно крестьянами.

Итак, кто же такой казак в первоначальном значении этого слова? Слово «казах» «означает в тюркских языках вольного наездника...» (*Мавродин В.В.* Происхождение русского народа. Л., 1978. С. 149). Конкретнее, это – человек (чаще конный), добывающий свое пропитание оружием. О том, как казак даже в XIX веке относился к людям других этносов, в том числе и к русским, можно прочесть в повести Льва Толстого, которая так и называется «Кзаки». А ведь в ней речь шла уже о совсем других казаках, служивых людях. Но Запорожская Сечь была принципиально антигосударственным образованием. Эта единственная в своем роде казацкая республика, находясь между Россией, Польшей, Крымским ханством и Турцией, воевала то с одним, то с другим своим соседом и жила тем, что добывала во время набегов на соседей (регулярной хозяйственной деятельности она не вела и в принципе не могла вести).

Вот как сам Гоголь описывал возникновение казачества и обусловленный этим характер казаков:

«Бульба был упрям страшно. Это был один из тех характеров, которые могли только возникнуть в тяжелый XV век на полукочующем углу Европы, когда вся южная первобытная Россия, оставленная своими князьями, была опустошена, выжжена до тла неукротимыми набегами монгольских хищников; когда лишившись дома и кровли, стал здесь отважен человек; когда на пожарищах, в виду грозных соседей и вечной опасности, селился он и привыкал глядеть им прямо в очи, разучившись знать, существует ли какая боязнь на свете; когда бранным пламенем объявился древле-мирный славянский дух, и завелось казачество – широкая, разгульная замашка русской природы... Это было, точно, необыкновенное явление русской силы: его вышибло из народной груди огниво бед. Вместо прежних уделов, мелких городков, наполненных псарями и ловчими, вместо враждующих и торгующих городами мелких князей, возникли грозные селения, курени и околицы, связанные общей опасностью и ненавистью против нехристианских хищников. Уже известно всем из истории, как их вечная борьба и беспокойная жизнь спасли Европу от сих неукротимых стремлений, грозивших ее опрокинуть... Кончился поход, – воин уходил в луга и пашни, на днепровские перевозы, ловил рыбу, торговал, варил пиво и был вольный казак... Не было ремесла, которого бы не знал казак: накурить вина, снарядить телегу, намолоть пороху, справить кузнецкую, слесарную работу и, в прибавку к тому, **гулять напропало, пить и бражничать, как только может один русский**, – все это было ему по плечу». А кроме рейстровых казаков, «считавших обязанностью являться во время войны», можно было набрать добровольцев, кликнув по рынкам и площадям сел клич: «Ступайте славы и чести рыцарской добиваться!.. Пора доставать казацкой славы!» (Выделено мной. – МЛ.)

Гоголь, восхищавшийся казачеством, все же вынужден был описать крайнюю жестокость, даже зверства казаков, которые не просто убивали свои жертвы, а и вырезали младенцев из чрева матерей. Жестокость в людях часто соединяется с сентиментальностью, которой окрашены, например, многие казацкие песни.

Еще один важный штрих к характеристике Тараса Бульбы: «Тогда влияние Польши началось уже сказываться на русском дворянстве. Многие перенимали уже польские обычаи, заводи роскошь, великолепные прислуги, соколов, ловчих, обеды, дворы. Тарасу было это не по сердцу. Он любил простую жизнь казаков и перессорился с теми из своих товарищей, которые были наклонны к варшавской стороне, называя их холопьями польских панов. Неугомонный вечно, он считал себя законным защитником православия» Его «враги были бусурманы и турки, против которых он считал во всяком случае поднять оружие во славу христианства». Он желал посмотреть на первые подвиги своих сыновей «в ратной науке и бражничестве, которое почитал тоже одним из главных достоинств рыцаря». Сам он говорил о «чести лыцарской».

И вот общая картина Сечи:

«Сечь не любила затруднять себя военными упражнениями и терять время; юношество воспитывалось и образовывалось в ней одним опытом, в самом пылу битв, которые оттого были почти непрерывны... все прочее время отдавалось гульбе – признаку широкого размета душевной воли. Вся Сечь представляла необыкновенное явление. **Это было какое-то беспрерывное пиршество...**»

Но пиршествовать можно было только до тех пор, пока были деньги. Значит, за пиршеством должен был наступать военный поход за добычей. И те, кто возвращались из похода живыми, могли снова пировать. А на место тех, кто погиб, из похода не вернулся, приходили новые любители такой разгульной жизни, не обремененной производительным трудом и житейскими заботами. Казачество было особым образом жизни, совершенно не схожим с оседлым хлеборобским бытием малороссов. Вот таким был «жизненный цикл» казачества: пир, грабеж, снова пир и т. д. Редко кто из сечевиков доживал до старости. Но, как отмечал

один критик, «как это ни парадоксально в контексте грабительско-паразитического образа жизни, однако до официального присоединения к России, которому оно способствовало как никто, казачество не только считало себя, но и действительно являлось... мужественнейшими защитниками православной веры и культуры на Украине. Особенно во время польского владычества... А что уж говорить об отношении к крымскому ханству и туркам! Походы против них считались делом в прямом смысле святым».

Казак, столь романтично представленный Гоголем, а уж тем более – реальный, как идеал русским совсем не подходил. Гоголь, живописуя это сообщество анархистов, сам замечает, что оно умело «только гулять да палить из ружей». Для казаков «все равно, где бы ни воевать, только бы воевать, потому что неприлично благородному человеку быть без битвы». Если же ее нет, можно отвести душу в ссоре и драке куреней с куренями. В общем, казаки вели себя совершенно так же, как и западноевропейские благородные рыцари, искавшие себе чести и славы, или как викинги (варяги), промышлявшие разбоем и предававшиеся потом гульбе. И Гоголь воспел «то поэтическое время, когда все добывалось саблею». Кинорежиссер Владимир Бортко, поставивший фильм «Тарас Бульба», видел аналогию казака в японском самурае:

«Важно понять психологию казаков того времени. Для них не было другого смысла жизни, кроме войны с врагом... «путь воина – это путь к смерти» – закон самураев. **И у казаков та же философия. Мечта любого из них – прославиться, умереть героем, чтобы потом о нем бандуристы пели на весь мир.** Тогда царило абсолютно другое мышление, непонятное в наше гуманистическое время». Это не была война за Родину, как Великая Отечественная война: «Нет, Великая Отечественная война предполагала защиту Родины, а потом мирную жизнь. А казаки, пока могли сидеть в седле, воевали. Вы пытаетесь найти в этом рациональное зерно, а оно в другом. Это не рационализм нашего современника, для которого мир лучше войны, а жизнь дома с женой лучше военных лишений. Тарас говорит сыну: «Не слухай жинку, бо вона баба». И это не шутка, а жизненная позиция. Ты самурай! И с ляхами та же история. Польский пан, который пропил все имение, деньги, челядь, перед сражением одалживал злотые. Почему? А потому, что если его убьют, то противник возьмет деньги как законную добычу. Чтобы потом не считал, что бился с холопом, быдлом» («Комсомольская правда», 26.03.2009).

Казаки, как принято считать и как были уверены сами, защищали православную веру и готовы были умереть за нее, но их «символ веры» был прост: «Веровать во Христа и в Святую Троицу, ходить в церковь».

Вот как сам Гоголь описывал порядок приема новичков в Сечь:

«Пришедший являлся только к кошевому, который обыкновенно говорил: «Здравствуй! Что, во Христа веруешь?» «Верую!» отвечал приходивший. «И в Троицу Святую веруешь?» «Верую!» «И в церковь ходишь?» «Хожу!» «А ну, перекрестись!» Пришедший крестился. «Ну, хорошо», отвечал кошевой: «ступай же, в который сам знаешь, курень». Этим заканчивалась вся церемония. И вся Сечь молилась в одной церкви и готова была защищать ее до последней капли крови, хотя и слышать не хотела о посте и воздержании».

Вот и все, остальное нужно было доказывать в боях. Можно ли ожидать иного от этих вечных воинов, если и православие украинцев вообще, например, священник и богослов Георгий Флоровский считал в значительной мере «окатоличенным». Во времена моего детства мальчишки нашего двора часто играли в «казаков-разбойников». Видно, название этой игры укоренилось не случайно. Видеть в «казаках-разбойниках» из повести Гоголя, когда они разделились на два отряда, чтобы и не оставлять осады вражеского польского города, и вызволить «однополчан», попавших в плен к иноземцам, исполнителей евангельской заповеди «положить душу своя за друзей своих», можно только при пылком воображении.

Интересно, что Тарас, выражая общую волю казаков, призывал выпить за то, **чтобы по всему свету разошлась и была бы одна святая православная вера, «и все, сколько ни**

есть бусурманов, все бы сделались христианами!». Вот такие были они крестоносцы или суперэкуменисты на основе их «казацкого православия»! Предчувствуя скорую свою гибель, казаки думали о том, что не пропадет казацкая слава, будет петь о них старик-бандурист, «и пойдет дыбом по всему свету о них слава, и все, что ни народится потом, заговорит о них».

«Бульбу» «проходят» в школе, поэтому повесть издается в усеченном виде, и редко кто перечитывал ее полный текст, будучи уже взрослым. Щадят издатели чувства читателей, опускают сцены чудовищной жестокости, проявляемой казаками.

Порой казаки устраивали погромы, швыряя еврейских торговцев в волны Днепра. А как расправлялись они с поляками (так сказать, на взаимной основе)! Сжигали деревни, угоняли или убивали скот, отрезали груди у женщин, кидали в пламя матерей вместе с младенцами. Не случайно, – говорит кинорежиссер Федор Бондарчук, – при попытках экранизации повести всякий раз «смягчают» жесткий гоголевский сюжет, экранизировать повесть «в чистом виде» никто не решается, и серьезное ее кинопрочтение еще впереди.

Но повесть написана так, что завораживает. Вряд ли был в России, на Украине и в Белоруссии хоть один юноша, который, читая «Тараса Бульбу», не переживал бы за таких казаков, как Кукубенко:

«Казаки, казаки! Не выдавайте лучшего цвета вашего войска! Уже обступили Кукубенка, уже семь человек только осталось из всего Незамайновского куреня; уже и те отбиваются через силу; уже окровавилась на нем одежда. Сам Тарас, видя беду его, поспешил на выручку. Но поздно подоспели казаки: уже успело ему углубиться под сердце копье прежде, чем были отогнаны обступившие его враги. Тихо склонился он на руки подхватившим его казакам. И хлынула ручьем молодая кровь, подобно дорогому вину, которое несли в склянном сосуде из погреба неосторожные слуги, подскользнулись тут же у входа и разбили дорогую сулею: все разлилось на землю вино, и схватил себя за голову прибежавший хозяин, сберегавший его про лучший случай в жизни, чтобы, если приведет Бог на старости лет встретиться с товарищем юности, то чтобы помянуть бы вместе с ним прежнее, иное время, когда иначе и лучше веселился человек... Повел Кукубенко вокруг себя очами и проговорил: «Благодарю Бога, что довелось мне умереть на глазах ваших, товарищи! Пусть же после нас живут еще лучшие, чем мы, и красуется вечно любимая Христом Русская земля!» И вылетела молодая душа. Подняли ее ангелы под руки и понесли к небесам. Хорошо будет ему там. «Садись, Кукубенко, одесную меня!» скажет ему Христос: «ты не изменил товариществу, бесчестного дела не сделал, не выдал в беде человека, хранил и сберегал Мою Церковь»...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.